

Николай Дмитриевич Кондратьев — один из наиболее ярких представителей русской экономической науки 10-х — 20-х годов. Он прошел путь от учебы в церковно-учительской семинарии в одном из сел Костромской губернии до ответственных постов во Временном правительстве; в послеоктябрьское время был профессором ряда учебных заведений в Москве, ответственным работником Наркомзема РСФСР, основал первый в мире специализированный научно-исследовательский институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт НКФ СССР). Работы его получили международное признание, что подтверждается его членством в ряде зарубежных научных обществ и ассоциаций. Н.Д. Кондратьев был последовательным сторонником и защитником концепции, предусматривавшей развитие народного хозяйства СССР как единой, целостной системы, управление которой должно осуществляться на основе рационального сочетания плановых и рыночных начал под непосредственным контролем государства (аналогичная концепция разрабатывалась на Западе Дж. М. Кейнсом). Цель такого регулирования ученый видел в достижении сбалансированности интересов различных отраслей экономики и социальных слоев, сталкивающихся на рынке. Настаивая на развитии аграрного сектора экономики по фермерскому пути, Николай Дмитриевич положил эту позицию в основу разработанного под его руководством пятилетнего плана развития сельского хозяйства страны — "пятилетки Кондратьева". В конце 20-х годов он был ошельмован, осужден по делу так называемой "Трудовой крестьянской партии" как один из ее "руководителей", помещен в политизолятор, а в 1938 г. — расстрелян. Разоблачение фальсификации произошло только в 1987 г. 30 ноября 1990 г. Совет Министров СССР принял постановление "Об увековечении памяти Н.Д. Кондратьева и проведении международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня его рождения". Учреждена премия им Н.Д. Кондратьева. Имя ученого возвращается в науку, переиздаются его труды. Наступило время оценки его научного наследия, свободной от "высочайше утвержденных" ярлыков.

В.В. СИМОНОВ, Н.К.
ФИГУРОВСКАЯ

ЭКОНОМИКА ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Штрихи к портрету Н.Д. Кондратьева

Трагична судьба Николая Дмитриевича Кондратьева — крупного ученого, экономиста-аграрника, истинного гражданина своей Родины. Не раз и не два выезжая за рубеж после Октября, он мог бы, как и его гимназический друг Пителим Сорокин, навсегда покинуть страну, в которой к власти пришли большевики. Однако бывший член последнего кабинета Временного Правительства Н.Д. Кондратьев этого не сделал. Слишком велико было его желание участвовать в переустройстве России. Товарищ министра продовольствия (так называлась его должность в правительстве Керенского), он страстно хотел работать для будущего своей отчизны. Серьезный ученый, обладавший огромной работоспособностью, он мог бы получить кафедру в любом зарубежном университете, возглавить научное направление, создать свою школу. Но Н.Д. Кондратьев предпочел другой путь. "... я признал, — сказал он в бурном 1919 году, — что я должен принять Октябрьскую революцию, потому что анализ фактов действительности и соотношение сил показали, что первое представление, которое я получил в 1917 — 1918 годах, было неправильным... Я вошел в органическую связь с Советской властью" [23].

В печати начали появляться статьи ученого по проблемам развития хозяйства деревни в условиях диктатуры пролетариата. В 1922 г. публикуется (написанная в 1919 г.) фундаментальная монография "Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции". Эту серьезную работу и еще две книги Кондратьева, вышедшие к тому времени, мы можем отыскать в кремлевской библиотеке В.И. Ленина [24]. Сам факт появления их в рабочем кабинете главы первого советского правительства говорит о многом. Экономические воззрения бывшего члена партии эсеров далеко не случайно интересовали Ленина. Как известно, он высоко оценивал значимость аграрной теории эсеров для победы пролетарской революции в России, отметив на III конгрессе Коминтерна: "Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка" [3].

Но идеи Н.Д. Кондратьева, касающиеся экономических процессов в аграрном секторе, планирования народного хозяйства, экономической динамики в целом, не потеряли своей значимости и по сей день. Многие из поставленных им вопросов нам приходится решать сейчас, в ходе коренной перестройки хозяйственного механизма. Вот почему представляется важным проследить эволюцию его взглядов на развитие

© СИМОНОВ Вениамин Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий сектором Всесоюзного научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешних экономических связей СССР, ФИГУРОВСКАЯ Надежда Константиновна — доктор экономических наук, заведующая сектором Института экономики АН СССР.

сельскохозяйственной экономики, кооперации, на хозяйственную систему переходного периода.

Ныне ни для кого не секрет, что предреволюционное крестьянство находилось в основном под влиянием эсеров. Споры относительно аграрной программы РСДРП массе крестьян были не очень понятны. Эсеры же выдвигали четкую программу решения аграрной проблемы с "социализацией" земли и уравнильным ее распределением "по едокам", с введением определенных налоговых изъятий в целях полного обеспечения уравнильности (но не уравниловки!) землепользования. Крестьяне это понимали. Они, конечно, не могли осознать, что программа, главным условием выполнения которой эсеры считали практически сохранение буржуазного государства, приведет не к равенству, социализму, а к социальной поляризации деревни в ходе капиталистического ее развития. И в душе крестьянин оставался эсером.

Эсеровские идеи, корни которых уходят в годы первой русской революции (в 1906 г. Николай Кондратьев и Питирим Сорокин были исключены из учительской семинарии за пропаганду воззрений социалистов-революционеров), приводят Кондратьева в ряды этой партии. По ее спискам он избирается в Учредительное собрание. Членом партии социалистов-революционеров Николай Дмитриевич оставался до 1919 года.

Краеугольным камнем аграрной программы эсеров была социализация земли. "В вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частно-владельческих земель, то есть за их изъятие из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнильного пользования" [251].

Здесь нужно подчеркнуть одно важное обстоятельство. Роль русской крестьянской общины, которая в определенных исторических условиях может стать непосредственным отправным пунктом движения общества к социализму под руководством пролетариата, отметил в 1881 г. (в набросках ответа на письмо В.И. Засулич) К. Маркс [1].

Кондратьев в 1917 г. рассматривает социальный прогресс общества исключительно с позиций крестьянства. Пропаганде социализации земли он посвящает радикальную брошюру "Аграрный вопрос о земле и земельных порядках" [10] и более умеренный доклад "О крупно-крестьянских хозяйствах" [1].

Николай Дмитриевич Кондратьев
(1892 — 1938)

Традиции "крестьянского социализма", восходящие к Белинскому, Герцену, Чернышевскому, были связаны не только с эсеровской теорией. Их придерживалась значительная часть русской интеллигенции, исходившая из того, что (говоря словами героя одной из крестьянских утопий) "социализм был зачат как антитеза капитализму; рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его. Будучи наемником, рабочий, строя свою идеологию, ввел наемничество в символ веры будущего строя и создал экономическую систему, в которой все были исполнителями и только единицы обладали правом творчества..." [18].

Одно из первых обращений Н.Д. Кондратьева к проблемам кооперации относится к лету 1917 г. Речь идет об упомянутой брошюре "Аграрный вопрос о земле и земельных порядках". К сожалению, в советской историко-экономической литературе эта работа не пользуется особой популярностью: видимо, виноват ее внешний вид. Она производит впечатление типичной агитки с неизменной "социализацией земли", "трудовым крестьянским хозяйством" и прочими атрибутами аграрной программы эсеров. Поэтому для характеристики позиции Кондратьева в аграрном вопросе накануне Октября используются, как правило, лишь его официальные выступления.

Основным моментом изменения существовавших аграрных порядков Кондратьев считал, как это и предполагает программа эсеров, социализацию земли — уничтожение земельной собственности, перевод всех земель в положение "общенародного достояния", в "трудовое пользование народа". Инструментом социализации призвано стать Учредительное собрание. Нормой земельного надела признается норма "потребительная" ("по едокам"), — постольку, поскольку "целью хозяйственной деятельности является... удовлетворение потребностей". Максимумом признается норма трудовая, а в целях полного уравнивания землепользования предлагается введение специального налогообложения в целях элиминирования возможностей получения дифференциальной ренты. В то же время, поскольку норма надела учитывает потребности и способность его обработать, уравнительность землепользования не предполагает уравниловку.

Субъектами хозяйствования на социализированных землях Н.Д. Кондратьев считает государство, города и земства, отдельных лиц и семьи, общины и кооперативы (артели). При этом обращает особое внимание на принцип добровольности в ходе образования трудовых коллективов, поскольку "формы землепользования нельзя предписать вопреки местным условиям". Игнорирование этого очевидного факта погубило в свое время, считал Кондратьев, реформу Столыпина. Коллективное ведение хозяйства, по его мнению, возможно только тогда, когда "группа лиц пожелает не только сообща пользоваться землей, но и сообща обрабатывать ее, работать артелью". При этом функции субъектов хозяйствования не ограничиваются областью чисто производственной — "государство со всеми своими местными органами, а также мелкие общины и союзы земледельцев на местах" должны помимо этого обеспечивать "управление землей и новыми земель-

ными порядками", обеспечивать нормальную организацию и функционирование подведомственных им хозяйств.

Кондратьев выделяет в окружающей его действительности три вида хозяйств: мелкое трудовое, крупное капиталистическое (с использованием наемного труда) и крупное кооперативное, или трудовое. Первые два вида встречаются наиболее часто, и сравнивая их, ученый приходит к выводу о наибольшей экономической оправданности хозяйства мелкого, которое не связано с производством прибавочной стоимости, не зависит от рынка свободной рабочей силы, не ведет к омертвлению значительной части основного капитала в течение длительных "мертвых сезонов" от страды до страды и т.д. Он аргументированно доказывает экономическую бесперспективность как крупных капиталистических (применяющих наемную рабочую силу), так и "полутрудовых" (то есть ведущихся в основном на семейных началах, но применяющих наемную рабочую силу) хозяйств. Последние, по его мнению, по рентабельности не дают никаких принципиальных преимуществ перед средними крестьянскими хозяйствами. Их значение для народного хозяйства с успехом и без всяких потрясений может быть замещено трудовыми, то есть не применяющими наемного труда крестьянскими хозяйствами.

Однако крупное производство в сравнении с мелким имеет целый ряд положительных свойств. Во-первых, оно более производительнее уже потому, что основано на разделении труда. Во-вторых, оно характеризуется меньшими удельными затратами инвентаря и тягловой силы. В-третьих, оно дает возможность использовать новую технику и технологию, развернуться — в силу упразднения межевых и прочих делений. Трудовые же хозяйства, взятые сами по себе, не нацелены в силу своего натурального по преимуществу характера на экономическую перспективу, на развитие "во имя интересов государства", народного хозяйства. А именно это Кондратьев видел одной из главных целей хозяйственной деятельности.

Преодоление экономической ограниченности форм крестьянского хозяйства Кондратьев считает возможным на путях кооперирования. Именно кооперация, на его взгляд, может и должна соединить преимущества мелкого хозяйства и крупного капиталистического.

Это понимали, как свидетельствовала практика, и сами крестьяне, что привело к росту кредитной, снабженческо-сбытовой и других видов кооперации. Ученый видел этот процесс: "Растущая кооперация с различных сторон объединяет крестьянские хозяйства. Последней ступенью этого объединения, в конце концов, должно стать объединение самого сельскохозяйственного производства. И чем более будет развиваться сознание крестьянства, чем шире оно будет применять новые орудия и способы обработки, тем яснее для него должна становиться вся выгода и важность объединения хозяйственной деятельности на трудовых началах" [10, с. 53 -54].

Основу хозяйственных отношений в деревне, идущих на смену капиталистическому укладу, Кондратьев видел в органическом сочетании трех форм землевладения: государственной, кооперативной и индивидуальной крестьянской. Кооперативы, по его мнению, должны образовываться на началах строгой добровольности. При этом необходимо соблюдать опре-

деленную последовательность в смене видов кооперации, в которой производственный кооператив является конечной, наиболее развитой формой совместного ведения хозяйства. Таким образом, фиксируются основные принципы совместного труда — добровольность и последовательная смена форм кооперации от низших к высшим на основе экономической целесообразности.

Однако, предупреждал ученый, велики будут и трудности на этом пути. Социализация и на ее основе кооперирование производства отнюдь не минутное дело: "Нельзя думать, что ввести социализацию можно так же скоро и легко, как выкурить папиросу или сочинить закон" [10, с. 58 — 59]. Более того, на первых порах ломка старого строя приведет к некоторому падению товарности производства (за счет роста собственного потребления крестьян). Но это положение будет временным, и рост потребностей крестьянского хозяйства в средствах производства и предметах потребления приведет к укрупнению рынка сельскохозяйственной продукции.

Напомним, что перед первой мировой войной крестьяне, ремесленники и кустари составляли 66,7% населения России, а на аграрный сектор приходилось 51,4% национального дохода. Значительную роль в его созидании играли кулацкие хозяйства, составлявшие 1/5 (3 млн.) хозяйств и располагающие примерно 80 млн. га земли из общего крестьянского фонда в 215 млн. га. Поэтому укрепление крестьянского хозяйства в результате социализации земли и кооперирования, товаризация хозяйства середняка должны были стать основой крепкого взаимодействия города и деревни, расширения рынка сбыта и сырьевой базы промышленности, рынка рабочей силы. Таким образом закладывались экономические основы взаимообусловленного функционирования города и деревни, устанавливалась тесная связь и равновесие между земледелием и промышленностью. Под знаком поиска экономических закономерностей, обеспечивающих это равновесие, проведены многие последующие исследования Кондратьева — и в области отечественной, и в области мировой экономики.

Как и большинство лидеров партии социалистов-революционеров, Кондратьев считал установившийся в результате Февральской революции режим — народным, более народным, чем он был на самом деле. Но в опубликованной в том же 1917 г. брошюре "Новые данные о законах развития капитализма в земледелии" В.И. Ленин, например, сделал вывод: "Мелкий земледелец при капитализме... даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих" становится мелким буржуа [4]. И если учесть этот вывод, если перенести его с американской на русскую почву (а наличие капитализма в российской деревне Кондратьев не отрицал), то перспективы *его модели перехода к социализму в ходе социализации земли и кооперирования* крестьянства оказываются не столь надежными, как они казались теоретикам и практикам из среды социалистов-революционеров. Легальная эволюция без смены политического режима, конечно же, была бы невозможной.

Октябрь в корне изменил ситуацию в России. И в изменившихся условиях формируется новый взгляд на крестьянство, связанный с изменением социально-экономических характеристик общества. Летом 1920 г. В.И. Ленин записывает: "Союз с *крестьянством* у меня *сильнее* подчеркнут (а это *не со в сем =буржуазия*)" [6]. Эта запись логически вытекала из той мысли

К. Маркса, что "частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности" [2].

В этой трактовке кооперативное движение не только должно было получить новый импульс для развития. Коренной смысл его изменился настолько, что В.И. Ленин с уверенностью писал в 1923 г.: "... строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма" [7]. Как видим, В.И. Ленин избегает свержения революции, форсирования проблемы переустройства деревни. Остается глубоко сожалеть, что к этому времени он в силу болезни уже не мог оказывать большого влияния на принятие хозяйственных и политических решений.

Кондратьев тяготел к эволюционному пути развития общества, без резких и сопряженных с социальной жесткостью скачков, к естественно-историческому течению событий. Большевики, пришедшие к власти в России, придерживались иной точки зрения. Наиболее "энергичные", а точнее сказать, нереалистичные политики из их числа стремились одним махом провести переустройство экономики. Такой авантюристический подход к проблемам общественной жизни позже послужил поводом для расправы с крупными учеными В.Г. Громаном, А.Ю. Финн-Енотаевским и другими "лидерами" так называемого "меньшевистского центра". И только теперь историческая практика доказала, что "процесс социализации может возникнуть и развиваться отнюдь не только вследствие насильственного переворота. Новый мир может быть создан без сокрушения старого, а просто перерастая старый мир и развиваясь дальше, дальше и дальше. Факторы эволюционного преобразования капитализма, метаморфозы его сущности оказались достаточно сильными, чтобы критическая масса здоровых "новообразований" стала серьезной основой для перехода к какому-то новому этапу с универсальным признанием социальных ценностей" [20].

Стремление Кондратьева быть максимально полезным своей стране заставляет его братья за актуальные проблемы. Он пишет, что называется, на злобу дня. В 1922 г. выходит, как уже отмечалось ранее, написанная в 1919 г. монография "Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции". В ней характеризуется внутренний рынок, его "высокая инертность", своими корнями уходящая в недостаточное развитие в России капиталистической системы. Падение товарности массы крестьянских хозяйств может, считает он, вызвать не только снижение производства продукции, но и кризис. Все дело в степени этого падения. Рассматривается и вопрос о хозяйственном регулировании. Его успешность связывается с возможностью предвидения рыночных процессов, учетом тенденций рыночной экономики, их предвосхищением. Лишь на учете этих процессов может основываться эффективное, успешное государственное регулирование. В противном случае идет цепная реакция разрушения сложившихся хозяйственных связей, нитей экономического взаимодействия. В наши дни ловишь себя на мысли: как все это актуально и сейчас, во время перестройки хозяйственного механизма.

Эволюция воззрений Кондратьева на кооперативную систему и ее роль в строительстве нового общества продолжается. В 1919 г., незадолго до окончания фундаментального конъюнктурного исследования аграрного сектора России в 1913 — 1918 гг., он публикует статью "Основные вопросы промышленной деятельности сельскохозяйственной кооперации". Отправным моментом построения концепции здесь служит важнейший вопрос — какую конечную цель нужно ставить во главу угла: задачу лучшего распределения продукта, то есть задачу потребительского характера, или мысль о развитии производительных сил. Однозначно отдавая предпочтение последней, Кондратьев обосновывает ведущую роль в этом процессе промышленной деятельности кооперации. Он указывает, что прежде всего необходимо поднять доходность крестьянских хозяйств, заботиться о предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья. Наиболее острым углом Кондратьев считал систему ценообразования. Казалось бы, этот вопрос не мог квалифицироваться как принципиальный: "... не спор о цене, а политика поднятия производительных сил во что бы то ни стало диктуется моментом. С такой точки зрения вопрос о цене всегда носит подчиненный характер, имеет служебное значение" [11, с. 7]. С другой стороны, тактически, если иметь в виду тенденцию сбытовой кооперации увеличивать цену и стремление ее контрагента — потребительской кооперации — цены сбить, вопрос о цене становится фактором, во многом определяющим экономическую перспективность данного (производственного) вида кооперативной деятельности.

Для снятия этого противоречия выдвигается (в 1919 году!) идея договорных цен: необходимо "соглашение между потребительской и сельскохозяйственной кооперацией" не только "в деле размежевания их сфер влияния и организации промышленности"; правильно понятые производительные и потребительские интересы дают возможность пойти на компромисс и в области ценообразования в целях обеспечения непрерывного развития промышленной деятельности кооперации. Уровень договорных цен, считает Кондратьев, так же слабо предсказуем, как и уровень цен рыночных: "Мы далеки... от увлечения полагать, что кооперативная цена будет принципиально отличаться от общерыночной. Речь идет лишь о более планомерных, более точных и более справедливых калькуляциях цен при внутрикооперативных торговых отношениях" [11, с. 6 — 7]. Этот элемент рациональности, планомерности, социальной направленности в ценообразовании призвана вносить государственная власть.

"Организация крестьянского хозяйства, — завершает свой анализ Н.Д. Кондратьев, — развитие его производительных сил является неотложной необходимостью жизни и залогом экономического возрождения страны. Объединяя и сплачивая распыленные массы крестьянских хозяйств путем организации сбыта и промышленности, повышая доходность этих хозяйств, сельскохозяйственная кооперация выполняет крупную экономическую миссию. Она способствует поднятию национально-производительных сил. В то же время она борется за новый экономический режим в среде крестьянских хозяйств, она борется за новую систему тесных кооперативных связей между крестьянскими хозяйствами" [11, с. 8].

Таким образом, и в годы "военного коммунизма", в период свертывания

товарно-денежных отношений в теории и на практике Кондратьев остается на позициях, предусматривающих сочетание плановых и рыночных элементов в экономической жизни страны в целом и кооперации — в частности.

Конструктивность идей Н.Д. Кондратьева, желание работать на благо молодой Советской республики, надо сказать, были использованы новой властью. В 1921 г. он — начальник управления сельскохозяйственной экономики и плановых работ Наркомзема РСФСР, представитель Народного комиссариата земледелия в сельхоз-секции Госплана, в комиссии по натуралогу при ЦСУ. И все это помимо выполнения профессорских обязанностей в Петровской (с 1923 г. — им. К.А. Тимирязева) академии и директорских — в созданном им Конъюнктурном институте, который в январе 1923 г. по настоянию тогдашнего замнаркома финансов Г.Я. Сокольников переносится из системы Наркомзема в ведение Наркомфина.

Важнейшим делом Кондратьева в начале 20-х годов стала разработка перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства страны, рассчитанного на 1923—1928 гг. В системе взаимосвязанных экономических мероприятий в области сельского хозяйства и промышленности, предусмотренных этим планом, также велика роль кооперативных идей.

Осенью 1923 г. Плановая комиссия Наркомзема приступила к разработке перспективного плана развития сельского хозяйства РСФСР. Общее руководство работой осуществлял председатель Земплана И.А. Теодорович (напомним: в первом Советском правительстве он был народным комиссаром продовольствия), а вели ее заведующий отделом сельскохозяйственной экономики и политики управления сельского хозяйства профессор Н.Д. Кондратьев и заведующий подотделом статистики профессор Н.П. Огановский. В декабре 1923 г. председателем Госплана РСФСР Г.М. Кржижановским поставлена задача экстренной подготовки материалов по аграрному планированию для выступления по вопросам планового строительства на предстоявшем съезде Советов.

К середине января 1924 г. работа в самом первом приближении была закончена, одобрена Земпланом и представлена в сельхозсекцию Госплана, которой руководил П.И. Попов, участвовавший в разработке первого межотраслевого баланса. Доклад "Перспективы развития сельского хозяйства" заслушан 17 января 1924 г. и передан для детального рассмотрения в особую комиссию. Окончательный вариант плана после ожесточенных дискуссий утверждается летом 1925 г. президиумом Госплана.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг "плана Кондратьева" и на пленуме президиума Госплана, и в печати, была весьма жесткой. Критики плана во главе с Л. Крицманом пытались найти в нем такие изъяны, которые дали бы возможность поставить под сомнение и профессиональную, и политическую добросовестность авторов проекта. Прозвучал даже довод крайне сомнительного свойства о том, что "основное различие, которое имеет место между нашим хозяйством и капиталистическим в том, что наше хозяйство — хозяйство субъективное" [26], читай — объективным экономическим законам не подчиняющееся.

Этот постулат, увы, внедрился в советскую политическую экономию на долгие годы как априорный. Однако Кондратьев, как и В.В. Базаров, строивший свою теорию планирования, исходя из постулата о взаимодействии и взаимозависимости в социалистической экономике плановых и рыночных начал, согласиться с ним не мог. Он настаивает на тщательном следовании законам развития экономики и необходимости планировать, исходя из них, основные тенденции хозяйственного процесса — не директивно, "до гвоздя" и "от достигнутого", а с предоставлением хозяйствующим звеньям необходимой свободы деятельности. Он защищает идею

плана-прогноза, учитывающего сложившуюся в стране хозяйственную обстановку и нацеленного на естественное, законообразное развитие. Такое развитие, полагает он, возможно по мере решения задачи "овладения стихийными силами социально-экономической жизни и подчинения ее сознательному, планомерному руководству со стороны государства" [12].

Кондратьев предлагает развивать экономику, а не толкать ее вперед, не имея на то оснований: "Действительность все равно заставит ценой, быть может, тяжелой расплаты за ошибки свести перспективы к рамкам реально-достижимого. И мы должны ставить в плане именно эти реальные перспективы, хотя бы они субъективно нас и не удовлетворяли"[13].

Он выступает против "статистического фетишизма", против погони за темпами и цифрами, против увлечения плановой деятельностью ради самой плановой деятельности. Современное состояние работы над планами, призванной помочь преодолению и реорганизации стихийно-хозяйственных процессов жизни на новых рациональных началах, производит, по мнению Кондратьева, то неотразимое впечатление, что нас захлестывает своего рода "стихия самой плановой работы", что некоторая и, возможно, значительная часть плановой работы страны проходит без достаточного и, может быть, без всякого эффекта. Основой общегосударственной плановой деятельности, по Кондратьеву, должно стать определение обобщенных экономических перспектив, длительных тенденций при минимуме количественных показателей и максимуме инициативы низовых хозяйственных звеньев.

В 1925 г. такая постановка вопроса была сочтена президиумом Госплана убедительной. Но уже к 1927 г. ситуация изменилась. Возражая "эпигону народничества" проф. Кондратьеву, С.Г. Струмилин особо отметит: "Мы никогда не откажемся от своих целей только потому, что их осуществление не обеспечено стопроцентной реальностью", ибо "воля пролетариата и наши планы, концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные им перед собой задачи, сами могут и должны стать тем решающим шансом, какого недоставало для их успешного разрешения" [22]. Все, кто не был согласен с такой постановкой вопроса, в начале 30-х получили соответствующие разъяснения. Остальные узнали в 1987 г. из журнала "Коммунист" о том, что уже первая пятилетка была выполнена только в докладе Сталина XVII партсъезду [19].

Помимо трактовки вопросов планирования народного хозяйства, ожесточенные нападки вызвало отношение Кондратьева к крестьянству, прежде всего — к зажиточным его слоям, крепким хозяйствам. Не подвергая сомнению основной принцип земельного права в стране — национализацию земли, он призывает свести к минимуму те ограничения свободного развития трудового хозяйства крестьян, которые были рождены "военным коммунизмом" и на долгие годы пережили его. Предпочтение при этом ученый последовательно отдает зажиточным хозяйствам, приближающимся по своему типу к фермерским, поскольку эти хозяйства обладают значительным экономическим потенциалом. С другой стороны, зажиточные хозяйства ориентированы на производство части продукта в товарной форме, тогда как чисто середняцкое хозяйство, как правило, заботится главным образом о собственном потреблении, то есть является по существу натуральным, а следовательно — неспособным к расширенному воспроизводству

Вопрос о расширенном воспроизводстве (то есть, о накоплении) в сельском хозяйстве стоял в середине 20-х годов очень остро. Нэпа в деревне (если понимать под ним не просто замену продразверстки продналогом, вульгаризуя его таким

образом, а прежде всего — создание условий для развития коммерческой инициативы трудящегося населения) не было и к середине 1925 г. "У нас, — писал Н.И. Бухарин, — еще до сих пор сохранились известные остатки военкоммунистических отношений, которые мешают нашему дальнейшему росту... Зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, боятся сейчас накапливать. Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной... Излишняя боязнь наемного труда, боязнь накопления, боязнь прослойки капиталистического крестьянства и т.п. может привести нас к неправильной экономической стратегии в деревне. Мы излишне усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но из-за этого середняк боится улучшать свое хозяйство" [18].

Партия обращает внимание на необходимость отказа от чрезмерного давления на деревню. Ставится вопрос о предоставлении крестьянину возможности "свободно принарабливаться к рынку, избрать наиболее выгодные культуры" [27, с. 4301 и т.д. XIV партконференция останавливается на проблеме "облегчения условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной аренды земли" [27, с. 190]; ее решения, в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе коренным образом улучшили положение в деревне. Они были одобрены XIV съездом ВКП(б). Словом, эти решения верно учли изменения расстановки классовых сил в стране, однако не смогли широко войти в жизнь деревни.

С 1927 года — об этом уже писалось неоднократно — начинается сдвиг сталинской платформы влево. Это движение подминает под себя оппонентов, подавляет их аргументацию прессом партийной дисциплины, основываясь на резолюции X съезда РКП(б) "О единстве партии". И если до этого времени не забывались ленинские слова "при увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности" [5], то позже Сталин с особым акцентом указывал: "Ленин говорил, что нэп введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда" [21]. Таким образом, с началом перехода от восстановления к реконструкции народного хозяйства страны "левый" уклон, разбитый в теории, по неизвестным пока причинам сохранился и укрепился в практике индустриализации и колхозного строительства.

В этих политических условиях позиция Кондратьева постепенно становилась открытым вызовом набирающей силу официальной платформе. Об этом времени он впоследствии скажет: "... к концу 1927 года я в полной мере уже, а он (В.Г. Громан. — *Прим. авт.*) отчасти, находились в состоянии опалы". В 1927 г. выходит статья Г.Е. Зиновьева [9], в которой автор мечет в Кондратьева громы и молнии. Последующий крах Зиновьева как политика не помешал укоренению ярлыка "идеолог кулачества". Это словосочетание, введенное в "научный" оборот именно Зиновьевым, закрепляется в партийных документах и становится неременным условием всякого печатного упоминания имени Кондратьева.

В таких условиях позиции, связанные с последовательным соблюдением идей нэпа, стали рассматриваться как отступление вправо от генеральной линии (причем не пояснялось, каковы же были те качественные изменения, которые дали основания от политики, принятой в 1921 г. "всерьез и надолго", перейти в 1926—27

гг. к политике форсирования темпов развития кооперативного движения). Мы имеем в виду прежде всего тезисы Кондратьева "Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией", написанные в 1927 г.

Те фрагменты тезисов Кондратьева, которые нам доступны, показывают, что их автор стремился и в этих условиях добиться сохранения принципов кооперативного плана, выдвинутого В.И. Лениным в качестве основы социалистического строительства в деревне. В тезисах, а также в практически одновременно сделанном докладе о дифференциации в деревне Кондратьев высказывается за преодоление огульного "окулачивания" всех крестьян, чей уровень жизни превышает прожиточный минимум, за преодоление крайностей индустриализации, которая в настоящее время не повышает, а ослабляет степень снабжения деревни необходимыми ей продуктами хозяйственного и личного потребления" [9, с. 9].

Кондратьев настаивает на "действительном изменении" кооперативной и кредитной политики "в смысле признания безусловной свободы кооперативных объединений в области сельского хозяйства", на отказе от давления на кооперацию извне, на отказе "в кооперативно-кредитной политике от протекционизма и филантропии в отношении немогущих хозяйств и бесхозяйственных форм кооперации". В рамках государственной политики внешней торговли и обеспечения приоритетов промышленности он призывает сохранить сложившуюся в первой половине 20-х годов практику прямых связей государственных предприятий, кооперативов и смешанных организаций с границей, обеспечить (в рамках годовых планов) свободу экспортных и импортных операций кооперативной сети на основе валютной самокупаемости и самофинансирования с учетом создания фонда валютного накопления. В то же время, касаясь государственного и кооперативного торгового аппарата, он высказывался против искусственного создания для них монопольного положения на внутреннем рынке и, в целом, против "административных методов регулирования рынка, приводящих к его дезорганизации". Он указывал при этом на роль государственного регулирования сферы производства и обращения, призванного ограничить возможности расширенного воспроизводства несоциалистических способов ведения хозяйства.

Обращая особое внимание на стратегическую важность производственного кооперирования мелких и мельчайших крестьянских хозяйств для повышения их производительности и товарности при помощи коллективизации, Кондратьев указывает на необходимость максимального использования его возможностей в процессе социалистического строительства. Но, учитывая сложность и длительный характер этого процесса, он вновь акцентирует внимание на значении тактических мероприятий (широкое развертывание в массе беднейших и середняцких хозяйств сети сбыто-снабженческих кооперативов, кооперирование этих хозяйств на основе общего пользования машинами, первичной переработки сельскохозяйственной продукции, кредитных операций и т.д.).

Аграрная проблематика проходит через все творчество ученого. Он был убежден, что без расцвета земледелия невозможен экономический прогресс страны. С этим связано постоянное возвращение к сельскохозяйственной теме на фоне блестящих достижений, новаторских озарений в иных областях экономической теории.

Последние публикации работ Кондратьева, известные нам, относятся к 1928 г., причем положение ученого было настолько неустойчивым, что его авторство

устанавливается лишь по письмам жене (Е.Д. Кондратьевой), сохранившимся в личном архиве их дочери, члена-корреспондента АН СССР Е.Н. Кондратьевой.

В конце 20-х — начале 30-х годов усиливаются гонения на ученого. В 1928 г. он "вычищается" из Конъюнктурного института. В 1930 г. Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.В. Чаянов, Л.Н. Литошенко, Л.Б. Кафенгауз и еще целый ряд "буржуазных" профессоров попадают в руки ОГПУ...

Значителен вклад Николая Дмитриевича Кондратьева в практику кооперативного движения, в практику естественного, экономического внедрения кооперативных начал в систему плановой экономики. Огромен и широк круг проблем, решение которых ученый искал на пути рационального сочетания рыночного и планового хозяйствования, применения хозрасчета в экономике социализма. Историческая практика свидетельствует: концепция переустройства деревни, развивавшаяся Н.Д. Кондратьевым, в основе своей выдвигала проверку временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19 С. 400—410.
 2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 771—772.
 3. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 30.
 4. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 220.
 5. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 84.
 6. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 41. С. 513.
 7. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 373.
 8. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 134—135.
 9. Зиновьев Г.Е. Манифест кулацкой партии // Большевик. 1927. №13.
 10. Кондратьев Н.Д. Аграрный вопрос о земле и земельных порядках. М., 1917 (Лига аграрных реформ. Серия С. № 4).
 11. Кондратьев Н.Д. Основные вопросы промышленной деятельности сельскохозяйственной кооперации // Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1919. №3—4.
 12. Кондратьев Н.Д. Проблема предвидения // Вопросы конъюнктуры. 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 3.
 13. Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927, № 4. С. 7.
 14. Кондратьев Н.Д. к вопросу о дифференциации деревни // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 123—140.
 15. Кондратьев Н.Д. Аграрное перенаселение и уровень развития производительных сил сельского хозяйства СССР. Индустрия и сельское хозяйство в их взаимоотношениях // Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства. М., 1928. (Труды Земплана. Вып. XIV); Внешняя торговля. К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства (Материалы исследования НК РКИ СССР) Под ред. Я.А. Яковлева. М.—Л., 1928.
 16. Кондратьев Н.Д. Макаров Н.П. О крупно-крестьянских хозяйствах. Пг, 1917. (Труды комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. III).
 17. Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. М., 1924 (РСФСР. Наркомзем. Тр. Земплана. Вып. V); Кондратьев Н.Д., Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Доклад на пленарном заседании президиума Госплана СССР 4 июля 1925 г. // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4. С. 186—214; Кондратьев Н.Д. Заключительное слово Н.Д. Кондратьева. // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 120—140.
- ^БКремневИв (Чаянов А.В.) Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Часть I. М., 1920. С. 31—32.

19. Лацис О. Проблемы темпов в социалистическом строительстве //Коммунист. 1987. № 18.С. 79—90.
20. Любимов Л. К какой системе принадлежат США? //Литературная газета. 1989. № 26. С. 15.
21. Сталин ИВ. К вопросам аграрной политики в СССР. Соч. т. 12. с. 171.
22. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958. С. 314.
23. Цит. по: Шкловский Г. Вредительство как метод классовой борьбы. М., 1931. С. 89.
24. См.: Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. № 3046 ("Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции". М., 1922); там же: № 3044 ("Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны". Вологда, 1922) и № 3045 ("Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта". М., 1923).
25. Полный сборник платформ всех русских политических партий с приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада гр. Витте. Испр. и доп. по последним резолюциям партийных съездов. 2-е изд. Спб., 1906. С. 26—27.
26. Пути сельского хозяйства. 1926. № 1. С. 201.
27. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., Т. 2. С. 450.

